

18+

Николай Демкин

Алый свет мастера

Николай Демкин

Алый свет мастера

«Издательские решения»

Демкин Н.

Алый свет мастера / Н. Демкин — «Издательские решения»,

«Алый свет мастера». Фландрия, 1348 год. Чума стирает города. Художник Виллем ван Арт пишет не святых, а ту, что приходит к нему из снов — древнюю сущность без имени, существовавшую до света и до Бога. Но чем ближе он к завершению картины, тем яснее: он не рисует её — он сам становится дверью, через которую в мир может войти то, что было до всего. Мистический роман о любви, жертве и последнем мазке, который отделяет человека от вечности.

© Демкин Н.

© Издательские решения

Содержание

АЛЫЙ СВЕТ МАСТЕРА	6
ПРОЛОГ	7
***	9
Глава 1 Человек, который не спал	9
Глава 2. Цветы на воде	12
Глава 3. Доска и нож	14
Глава 4. Жена перевозчика	15
Глава 5. Чёрные монеты	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Алый свет мастера

Николай Демкин

© Николай Демкин, 2026

ISBN 978-5-0071-2445-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЫЙ СВЕТ МАСТЕРА РОМАН

«И сказал Господь: не сотвори себе кумира...
Но художник ответил: а если кумир сам сотворил меня?»

«В начале было не Слово. В начале был Цвет.
Слово пришло позже, когда Цвет уже устал.»

ПРОЛОГ

То, что было до

Сначала не было ничего.

Не было неба, земли, воды. Не было тьмы, потому что тьма — это уже что-то. Не было света, потому что свет — это уже выбор.

Было только ощущение.

Ощущение, что вот-вот что-то начнётся. Как за мгновение до первого удара сердца. Как за миг до первого крика новорождённого. Как за секунду до того, как падает первая капля дождя на сухую, растрескавшуюся землю.

И в этом ощущении жила она.

Она не знала, что она — она. Не знала, что такое «я». Не знала, что такое «быть». Она просто была — как возможность, как предчувствие, как сон, который ещё не приснился.

Потом что-то дрогнуло.

Как будто кто-то, кто был больше всего, что могло быть, открыл глаза.

И она увидела себя.

Впервые.

Это было как вспышка. Как удар. Как рождение.

Она увидела свои руки — хотя у неё не было рук. Увидела своё лицо — хотя у неё не было лица. Увидела цвет — хотя цвета ещё не существовало.

Это был алый.

Не красный. Не багровый. Не кровавый.

Алый.

Цвет, который рождается, когда свет впервые касается тьмы и не может решить, кто из них сильнее.

Она засмеялась. И её смех стал первым звуком.

А потом она заплакала. И её слёзы стали первой водой.

И тогда тот, кто открыл глаза, сказал:

— Ты будешь ждать.

Она спросила:

— Чего?

Он ответил:

— Того, кто сможет тебя увидеть.

— А если не сможет?

— Тогда ты останешься здесь. Навсегда.

Она не знала, что такое «навсегда». Но ей стало холодно.

— А если сможет? — спросила она.

— Тогда ты выйдешь, — сказал он. — И мир изменится.

— В лучшую сторону?

— В единственную.

Он закрыл глаза.

И она осталась одна.

В том, что было до.

Задолго до Брюгге. Задолго до первого холста. Задолго до человека, который не умел не смотреть.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТУШЬ И ПЕПЕЛ

Глава 1 Человек, который не спал

Дождь в Брюгге не прекращался уже неделю. Он не был похож на обычный осенний дождь — тихий, упрямый, серый. Это была вода, которая падала с неба, как приговор. Она размывала грязь на мостовых, заливалась в подвалы, стекала по водосточным трубам с таким звуком, будто город плакал чужими голосами.

Мастер Виллем ван Арт стоял у окна и смотрел, как по каналу плывёт доска. Обычная доска, от ящика, с выцветшей надписью «Гент». Он следил за ней до тех пор, пока она не скрылась под аркой моста, и только потом понял, что задержал дыхание.

Он не спал три дня.

Не потому, что не хотел. Сон не приходил — отталкивал его, как вода отталкивает масло. Вместо сна приходили образы. Они стояли в углах комнаты, шевелились за мольбертом, скреблись под половицами. Иногда они были похожи на людей, которых он знал. Иногда — на тех, кого он ещё не написал.

Особенно часто приходила она.

Виллем не знал её имени. Он никогда не видел её лица до конца. Только край подбородка, изгиб плеча, свет, падающий на волосы, как на воду. Она появлялась, когда он закрывал глаза, и исчезала, когда он тянулся к кисти. Будто дразнила. Будто ждала, что он сойдёт с ума.

Но он не сходил.

Он писал.

Это было единственное, что держало его на краю. Не вера, не надежда, не страх перед смертью. Только кисть, краска, доска. Только движение руки, которое превращало пустоту в подобие смысла.

— Мастер, вы опять не ели.

Голос Марты был сух, как несмазанная дверь. Она стояла в проёме с миской в руках. Пар поднимался над похлёбкой, но Виллем не чувствовал запаха. Он вообще в последнее время почти не чувствовал запахов — только два: скипидар и воск. Всё остальное стало плоским, как старая фреска.

— Не хочу.

— Это не ответ для человека, который пишет Бога.

— Я не пишу Бога, — он наконец повернулся. — Я пишу то, что от него осталось.

Марта поджала губы. Она была единственной, кто не боялся говорить с ним в такие дни. Остальные — заказчики, соседи, городской совет — предпочитали не подходить близко. Говорили, что мастер ван Арт продал душу за умение видеть то, чего нет. Но продать душу — не значит потерять. Он сам стал тем, чего нет.

— Приходили из цеха, — сказала Марта, ставя миску на край стола. — Спрашивали про Мадонну для капеллы.

— И что ты ответила?

— Что вы работаете.

— Я работаю.

— Над чем?

Виллем молчал. Он и сам не знал. Он помнил, как три дня назад взял кисть, размешал сажу с олифой и нанёс первый мазок на свежую доску. Он помнил, как рука двигалась быстрее, чем мысль. Потом — провал. Пустота. Утром на холсте было лицо, которого он не писал.

Не Мадонна. Не святая. Не заказчица.

Она.

Та, из снов.

Он не мог её дописать. Каждый раз, когда он приближался к завершению, что-то останавливало его. Не страх. Не сомнение. Скорее — предощущение, что, как только он закончит, всё изменится. И обратной дороги не будет.

— Марта, — сказал он тихо. — Ты веришь, что человек может написать то, чего не видел?

— Вы всю жизнь так делаете.

— Нет. Я пишу то, что видел. Просто другие не видят.

— И что же вы видите сейчас?

Он хотел ответить. Но в этот момент снаружи раздался крик. Не долгий, не протяжный — короткий, как будто кто-то упал и не успел подняться.

Они замерли.

— Началось, — прошептала Марта.

Виллем медленно подошёл к окну. Внизу, на мостовой, лежал человек. Он лежал лицом вниз, раскинув руки, как пловец, которого выбросило на берег. Вокруг него уже собирались

люди. Они стояли поодаль, прижимая к лицам платки, и смотрели не на человека, а друг на друга. В их глазах был один и тот же вопрос.

«Кто следующий?»

Через час колокола Брюгге зазвонили не к мессе.

Это был погребальный звон.

И в этом звоне Виллем услышал не только смерть.

Он услышал, как где-то в глубине его мастерской скрипнула половица. Хотя в доме никого не было.

Глава 2. Цветы на воде

Хоронили первого.

Его звали Янн из Дамма, он был перевозчиком. Ещё вчера он перевозил через канал тюки с шерстью, смеялся, сплёвывал табачную жвачку в воду. Сегодня он лежал на телеге, накрытый парусиной, и жена его шла следом, держась за край телеги, как за руку утопающего.

Виллем стоял на мосту и смотрел.

Он не знал Яна, но почему-то запомнил его лицо. Оно всплывало перед глазами — обычное, широкое, с обветренными щеками. Виллем уже видел его раньше. Не в жизни. Во сне.

В том сне, где он стоял по колено в чёрной воде и смотрел, как мимо него проплывают лица. Сотни лиц. Они не говорили, не звали. Просто плыли, как цветы, брошенные в реку в день поминовения.

— Всё, как ты говорил, — раздался голос рядом.

Виллем не обернулся. Он знал этот голос. Узнал бы из тысячи.

— Ты пришёл раньше, чем я ждал.

— Я прихожу всегда вовремя.

На мост, опираясь на посох, поднялся человек в длинном сером плаще. Капюшон был низко надвинут, но Виллем видел его лицо так ясно, как будто между ними не было ни дождя, ни тумана.

Это был тот самый гость. Тот, кто платил монетами с змеей, кусающей хвост.

— Ты видел её? — спросил гость.

— Кого?

— Не притворяйся, — голос гостя был тих, но пробирал до костей. — Ты знаешь, о ком я. Ту, что приходит без приглашения.

Виллем сжал пальцы в кулак. Ногти впились в ладонь.

— Кто она?

— А ты не догадался? — гость слегка наклонил голову. — Ты пишешь её всю жизнь. Ты пишешь её в каждой Мадонне. В каждой святой. В каждом лике, что выходил из-под твоей кисти. Ты думал, это дар. Но это она. Она выбрала тебя.

— Зачем?

Гость выпрямился. Впервые в его голосе не было ни насмешки, ни загадки. Только усталость.

— Потому что ты умеешь любить то, что нельзя удержать. А таких, как ты, осталось мало.

Он помолчал и добавил:

— Чума — это не мор. Это прореха. Она рвёт ткань между мирами. И когда ткань рвётся, такие, как она, начинают просыпаться. Им нужен проводник. Носитель. Тот, кто сможет удержать их здесь.

— Я не хочу.

— Никто не хочет. Поэтому она и выбрала тебя.

Гость повернулся, собираясь уходить, но Виллем схватил его за край плаща.

— Что она такое? Отвечай!

Гость замер. Потом медленно, не оборачиваясь, произнёс:

— Она — то, что было до слова. До света. До первой молитвы. Её звали по-разному: София, Иштар, Люцина, Мать Дождя. Но все имена — ложь. У неё нет имени. Есть только взгляд. И тот, кто увидит его до конца, уже не сможет вернуться.

— Тогда зачем ты пришёл ко мне?

Гость наконец повернулся. И Виллем увидел то, что до этого скрывал капюшон: левый глаз гостя был серым, а правый — чёрным, как омут.

— Я пришёл, чтобы ты успел закончить, — сказал он. — Пока она не вышла сама.

Глава 3. Доска и нож

В ту ночь Виллем впервые за долгое время заснул.

Сон был не похож на прежние. Никакого моря, никакой женщины на воде. Он стоял посреди пустого собора. Высокие своды уходили во тьму, и из тьмы падал снег — не белый, а красный, как давленная вишня. Снег ложился на каменный пол, таял, оставляя следы, похожие на расплывшиеся буквы.

Виллем наклонился и прочитал:

«Ты не нарисуешь меня, пока не сотрёшь себя».

Он проснулся от боли в левой руке. Пальцы судорожно сжимали нож. На ладони — глубокий порез, из которого сочилась тёмная, почти чёрная кровь.

Он не помнил, как взял нож.

Но на доске, стоявшей на мольберте, появилась линия. Тонкая, изогнутая, как река на старинной карте. Она пересекала холст по диагонали, разделяя его на две части: светлую и тёмную.

Виллем смотрел на неё и чувствовал, как в груди поднимается холодное, незнакомое чувство. Не страх. Не вдохновение.

Надежда.

— Значит, так, — прошептал он. — Ты хочешь, чтобы я истёк.

Он оторвал полосу от старой рубахи, перевязал руку. Сел на табурет. Взял кисть.

— Хорошо. Пусть будет по-твоему.

И начал писать.

Он не думал. Не выбирал цвета. Не строил композицию. Он просто позволил руке двигаться, как ей хочется.

Краска ложилась на доску, как живая. Она дышала. Она пульсировала. Она смотрела.

К утру на холсте проступило лицо.

Он не дописал его. Оставил глаза пустыми.

Но даже пустые, они ждали.

Глава 4. Жена перевозчика

Прошло ещё два дня. Город закрыли.

Брюгге больше не был похож на город. Улицы опустели, лавки заколотили ставнями. По каналам плавали баржи с трупами, и гребцы на них были в длиннополых балахонах, пропитанных уксусом. Они не смотрели по сторонам. Они смотрели вперёд, на воду.

Виллем писал.

Он не выходил из мастерской. Марта приносила еду, но он отставлял миски в сторону. Иногда он пил воду, но даже она, казалось, отдавала чем-то сладковатым, как миндаль. В городе говорили, что так пахнет чума. Что это запах гнилого миндаля, который преследует тех, кто скоро умрёт.

Он не боялся.

На третий день в дверь постучали.

Марта открыла. На пороге стояла женщина. Совсем молодая, но с глазами старухи. Виллем узнал её: жена перевозчика из Дамма.

— Мастер, — сказала она. Голос дрожал. — Муж мой умер. У него остался последний долг. Я пришла просить вас.

— О чём?

Женщина разжала ладонь. На ней лежала монета — обычная, медная, потёртая.

— Напишите его портрет. По памяти. Чтобы дети знали, каким он был.

Виллем долго смотрел на монету. Потом перевёл взгляд на женщину.

— Я не пишу по памяти, — сказал он тихо. — Память лжёт.

— Тогда напишите так, как видите вы.

Он хотел отказаться. Но что-то в её лице — в наклоне головы, в дрожи подбородка — напомнило ему ту, из снов. И он согласился.

В ту ночь он написал первый портрет умершего.

Он работал при свечах. Марта не мешала. Она сидела внизу, у очага, и читала молитвы. Виллем слышал её голос — монотонный, как шум дождя.

Портрет вышел странным.

Виллем не знал покойного. Он видел его один раз, на телеге, под парусиной. Но рука сама выводила черты: широкий лоб, короткий нос, морщины вокруг глаз, ямочка на подбородке. Рука знала то, чего не знал он.

Когда он закончил, он поднял свечу, чтобы посмотреть.

И ему показалось, что из глаза нарисованного человека вытекла слеза.

Он отшатнулся. Свеча выпала из рук. Упала на пол. Зашипела.

— Нет, — прошептал он. — Не может быть.

Он снова поднёс свет.

Глаза были сухими.

Но на щеке, прямо под правым глазом, осталась тёмная полоса. Словно след.

Он дотронулся до неё пальцем. Краска была ещё влажной.

— Прости, — сказал он портрету. — Я не хотел.

Портрет молчал.

Но Виллем готов был поклясться: за мгновение до того, как он отвёл взгляд, губы на холсте дрогнули.

Глава 5. Чёрные монеты

Слухи расползлись быстро.

В городе, где смерть стала обыденностью, люди начали шептаться о мастере с набережной Роз, который пишет мёртвых — и мёртвые оживают. Кто-то говорил, что он колдун. Кто-то — что святой. Кто-то — что он продал душу за каждую слезу, что падает с его холстов.

Он не обращал внимания.

Он писал каждый день. По одному портрету. По одному лицу. По одной судьбе.

Он писал их такими, какими видел во снах. Не теми, кем они были при жизни. А теми, кем стали после. Спокойными. Уставшими. Свободными.

Однажды он сказал Марте:

— Смерть снимает маску. И остаётся только то, что было всегда.

— И что же?

— Свет.

— Свет? — она недоверчиво нахмурилась. — Вы, должно быть, шутите.

— Нет. Свет. Просто его не все видят.

— И вы видите?

— Теперь — да.

Марта перекрестилась.

— Вы колдун, — сказала она без осуждения. — Но колдун добрый.

— Я не колдун.

— Тогда кто?

— Тот, кто смотрит, — ответил Виллем. — Просто смотрит.

И с каждым портретом та, из снов, становилась ближе. Она уже не приходила только во сне. Она стояла в углу мастерской, за мольбертом, возле окна. Она смотрела, как он работает. Иногда она улыбалась.

— Зачем ты пишешь их? — спросила она однажды.

— Чтобы они не ушли, — ответил он, не оборачиваясь.

— Они всё равно уйдут. Все уходят.

— Но не так быстро.

Она подошла ближе. Он почувствовал её дыхание — тёплое, пахнущее мёдом и воском.

— А меня ты удержишь?

Виллем замер. Кисть дрогнула.

— Я не знаю, — сказал он честно.

— Тогда зачем ты пишешь меня?

— Потому что не могу не писать.

Она засмеялась. Тихо, как шёпот дождя.

— Вот за это я тебя и выбрала. Не за талант. За то, что ты не умеешь не любить.

А наутро в мастерскую пришли люди в сером.

Они не представились. Их было трое, все в одинаковых плащах, с одинаковыми лицами, как у деревянных кукол. Один из них положил на стол мешочек. Виллем услышал, как внутри звякнули монеты.

— Откройте, — сказал первый.

Виллем развязал мешочек. Внутри были монеты. Чёрные, как уголь. С изображением змеи, кусающей собственный хвост.

— Это аванс, — сказал второй. — Заказ прост. Вы напишете портрет одного человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.